

ОРИЕНТАЛИЗМ

Case-Study 2

Ориенталистская догма: различия между Западом и Востоком

Основная цель лекции: взглянуть на историю взаимодействия между Западом и Востоком сквозь призму «Другого» и попытаться выявить характер данного взаимодействия на примере истории греко-индийского диалога в древности, в частности, на примере того, как понимался «другой» в культуре Древней Греции.

Воображаемая география

«Другой» сквозь призму эллинистической культуры

Как отмечал Саид, «универсальная практика обозначения в сознании знакомого пространства как «нашего», а незнакомого как «их» пространства – это способ проведения географических различий, которые могут носить в целом совершенно произвольный характер. Мы используем здесь слово «произвольный» потому, что имажинативная география в стиле «наша земля – земля варваров» не обязательно предполагает, что варвары тоже признают это различие. Достаточно и того, что эту границу провели в своем сознании «мы», а «они» становятся «ими», потому что и их территории, и их ментальность маркируются как отличные от «наших». В определенной степени складывается впечатление, что таким вот негативным образом устанавливают свою идентичность и современные, и примитивные общества. Афинянин V века, скорее всего, чувствовал себя не варваром именно потому, что явственно ощущал себя афинянином. Географические границы вполне ожидаемым образом соотносятся с социальными, этническими и культурными границами. Тем не менее зачастую это чувство, на котором основывается ощущение себя как неиноземца, строится на весьма смутном представлении о том, что лежит там «вовне», за пределами его территории. Незнакомое пространство в большом количестве заполняют всякого рода предположения, ассоциации и домыслы».

Рассмотрим данное положение Саида на примере представлений о «Другом» в античном мире. В 4–3 веках до н. э. эллинистический мир простирался от Балкан до реки Инд. Греческая цивилизация переживала свой расцвет, сама себя считая центром известного на тот момент обитаемого мира (ойкумены) – прежде всего, Средиземноморья, Северной и Восточной Африки, Переднего и Среднего Востока, и вплоть до Индии. Впоследствии, в эллинистический и римский периоды, греческие города-полисы, словно проводники греческой культуры, появлялись и в других частях, в частности, в Причерноморье, а дух развитой эллинской цивилизации ощущался и в таких регионах, которые греческая цивилизация открыла для себя вместе с походами Александра Македонского, как Бактрия, Парфия, Индия. Греческие торговцы и мореплаватели бороздили моря и океаны, а греческий язык был своеобразным *lingua franca* – языком просвещения и международного общения.

Как и во всякой империи, в империи Александра Македонского и последовавшими за ней другими, к примеру, Селевкидской, проводились хозяйственные, военные, иные работы по ее поддержанию и расширению. Неисключением стали и научные знания, которые вырабатывались в лоне практического применения тех философских концепций, которые создавались плеядой философов и мыслителей прошлого. Одним из таких научных направлений были описания земель, куда ступала и не ступала нога грека – география, математика и связанная с ней нумерология, и иные вычисления, астрономия (которая тогда понималась в неразрывной связи с астрологией), картография.

Поэтому наряду с воинами, в любом походе Александра, например, всегда участвовали также и те, кто записывал, замерял, вычислял, то есть ученые, практики. Они проводили измерения дорог, по которым шли войска Александра, определяли расстояния между пунктами передвижения, делали замеры звездного неба, и конечно же, описывали встречавшиеся народы. Данная широко развитая практическая сторона, так сказать, совокупный, холистский принцип всеобщности, позволял империи Александра и другим поддерживать ту высоко развитую традицию учености, которая существовала в прошлом. С другой стороны, она же способствовала и накоплению этой самой традиции знаний, которую Саид отождествляет с властью, или же, пользуясь теорией Парсонса, мы могли бы назвать культурой в целом.

В этом смысле знание греков выражало их культуру. Но не только. Оно также распространяло эту культуру на самые далекие окраины ойкумены, где оно (знание), словно зерна на благодатной почве, произрастало и давало свои плоды, особенно для тех народов, кто жил за пределами ойкумены и кто в категориях древнегреческой и древнеримской культур назывался варварами.

Как известно, греки и далее римляне оставили большое научное наследие, из которого для раскрытия цели нашей темы мы возьмем те, которые отразили знание о «другом». Прежде всего, это описания земель, связанные (и не только) с картографическими материалами и описаниями далеких земель – «Естественная история» Плиния Старшего, «Перипл Эритрейского моря» неизвестного автора.

«Естественная история» Плиния Старшего

Восток для античных авторов был одновременно и нов, и стар. В том смысле, что эллинистические и римские авторы широко использовали ранее существующий опыт наблюдений и исследований, накопленный древнегреческими авторами. В этом смысле это словно повторяет тезис Саида о том, что Ориентализм невозможен без предшествующего знания. Поэтому римские авторы широко опирались на предшествующие труды древних греков и использовали их в качестве своеобразной основы. Не стал исключением и Плиний Старший, который использовал ранние древнегреческие тексты описания Индии, которые, в свою очередь, содержали в себе также и сведения, почерпнутые греками от местных жителей.

Строго выверенная структура текста «Естественной истории» состоит из 6 глав, ряда разделов и отличается достаточной связностью. Для нас будет интересно посмотреть, как автор сухим лаконичным языком описывает «другого» – другие народы, их животный и растительный мир. Характеристики чрезвычайно сухи, без эмоций, но все же показательны. Из них, кстати, можно почерпнуть и некоторые сведения о территориях проживания ряда народов и нашего региона, Центральной Азии.

Вот что, например, пишет Плиний Старший в 6 книге своей «Естественной истории»: «XX. За Каспийским морем и Скифским океаном наш маршрут сворачивает к Восточному морю, идя вдоль побережья, обращенного к востоку. Первая часть берега, за скифским мысом, необитаема из-за снегов, а следующая – не благоустроена из-за дикости местных народов. Там живут антропофаги – скифы, едящие человечину, а поблизости – обширные пустыни и множество хищников, которые нападают на людей, не менее свирепых, чем они сами. Далее снова скифы и снова пустынные области с дикими зверями – и так вплоть до гор, называемых Табис, выходящих к самому морю; лишь примерно с середины всей протяженности этого берега (когда последний обращен в северо-восточном направлении) земля становится обитаемой.

Первые из народов, о которых есть сведения – серы, известные своим растительным руном; они вычесывают кудель из замоченной в воде зелени – отсюда и двоякого рода занятия для наших женщин: распускать нити и вязать их снова. Сколько же требуется разнообразных трудов, в какие отдаленные края предпринимаются путешествия – и все для того, чтобы матрона могла появиться в обществе в прозрачных одеждах!

Серы кротки и, подобно неприрученному животным, избегают общения с прочими смертными, но в торговле они заинтересованы...

За аттакорами – туны и тохары и (уже из индийцев) касиры, внутри обращенные к скифам – они едят человечину; сюда же приходят кочевники Индии...

XXI. А отсюда – племена, относительно которых нет разногласий. Здесь возвышаются горы Хемода и начинается народ индийцев, примыкающий не только к Восточному морю, но и к Южному, которое мы называем Индийским...

Иной у них вид небосвода, иные рожденья светил, два теплых сезона в году и дважды пора урожая, а между ними зима, когда дуют пассаты, а в то время, когда у нас самая стужа, здесь лишь легкое дыхание ветров и море свободно для плаваний. Народности и города ее бесчисленны, если кто-то и захотел бы все их учесть. Открыта же она не только благодаря воинам Александра Великого и тех царей, которые наследовали ему (Селевк с Антиохом и

адмирал их флота Патрокл путешествовали также по Гирканскому и Каспийскому морю), но и благодаря таким греческим авторам, которые побывали у индийских царей (как Мегасфен и Дионисий, посланец Филадельфа) и по этой причине рассказали о множестве народов. Однако точности здесь быть не может – сообщения их различны и невероятны.

Спутники Александра Великого писали, что в той стране, которую он покорил, было 5 тысяч городов, каждый не менее Коса, а народов 9 тысяч, что Индия составляет третью часть Ойкумены, что население ее бесчисленно. И последнее вполне вероятно, ведь индийцы (едва ли не единственный из всех народов) никогда не переселялись из пределов своей страны...

Но почти всех в Индии, а не только в этой земле, превосходят мощью и славой прасии с городом Палиботрой, обширнейшим и богатейшим, по которому и сам народ называют палиботрами, более того – даже всю страну, начиная от Ганга. У царя их на содержании 600 тысяч пеших, 30 тысяч всадников, 9 тысяч слонов – отсюда можно представить, сколь обширно его богатство!».

На основании даже этого небольшого отрывка можно почерпнуть достаточно сведений, особенно в том, что касается узнавания «другого», но и также о некоторых фактах, которые были известны древним относительно народов Востока. В данном отрывке, например, говорится о серах – народах страны, где производили шелк (серои). Так называли греки китайцев, а индийцы – сина, чина. Показательно также и то, что буквально в одном-двух предложениях Плиний Старший, словно сделав зарисовку, по сути, показал несколько моментов, важных для мировой истории взаимодействия, а именно, обрисовал основную суть Великого Шелкового пути.

В фразе о том, что «серы, известные своим растительным руном; они вычесывают кудель из замоченной в воде зелени» автор отсылает нас к производству шелка в древнем Китае. А далее, говоря о том, что «Сколько же требуется разнообразных трудов, в какие отдаленные края предпринимаются путешествия – и все для того, чтобы матрона могла появиться в обществе в прозрачных одеждах!» читатель словно может увидеть, что производство шелка и сопряженная с этим торговля им, не лишенная трудностей, была важным элементом взаимодействия между Востоком и Западом, для того чтобы, например, матрона или патриции в Средиземноморском Риме были одеты в шелка и могли появиться в нем в обществе, что свидетельствовало бы о их достатке.

Одновременно можно увидеть двойное отношение автора к представителям различных народов Индии и Центральной Азии, коль скоро в отрывке упоминаются скифы, туны (гунны), тохары, касиры, кираты. Это все неизвестное толком для Плиния Старшего, а также других авторов, на которые он опирался в своем труде, племена. Неизвестные, а потому – пугающие. В представлении Плиния Старшего, казалось бы, рационального, практического автора, повествующего сухим рациональным языком цифр, милей, эмоции и фантазии неуместны. Однако неизвестное и оттого пугающее своей неизвестностью знание трансформирует повествование с мифологию, что выражается в отношении автора к «другому»: скифы сродни ганнибалам, дикие, нецивилизованные. Подобное в некотором смысле отношение можно увидеть и в описании автором серов, то есть китайцев. Оно не такое пугающее, как по отношению к скифам, тем не менее все же также граничащее с мифологией: «Серы кротки и подобно неприрученным животным, избегают общения с прочими смертными, но в торговле они заинтересованы». Попутно заметим, что это произведение создавалось, когда китайская империя уже стала Империей, была развитой державой, правда, достаточно неизвестной для западного мира, а потому – также пугающей.

Что касается народов Индии, которые, как пишет Плиний Старший, были разными, но развитыми по сравнению с неизвестными им скифами и серами, «племена, относительно которых нет разногласий» – это уже племена собственно индийские. И далее Плиний Старший начинает подробно их всех перечислять, описывать и давать характеристику их мощи, запасам золота, серебра, количеству боевых сил, армии и прочее.

Иными словами, в данном отрывке уравнение собственной империи с империей Индии, как бы расположение их в одной и той же системе одинаковых координат, как развитых держав своего времени, говорит о том, что «другой» в имперском понимании этого слова, в том смысле, который Саид использует как ориентализм, в античной традиции была такова, что позволяла

говорить о равных себе с достаточным уважением, в то время как понимание «другого», который для античной традиции был ниже, обрастало фактами устрашения, или предвзятым, на грани с мифологией, отношением к нему.

Контрольные вопросы (опорные) для самопроверки

1. Как Вы понимаете термин Саида «воображаемая» (имагинативная) география?
2. Дайте общую характеристику труда Плиния Старшего «Естественная история» с точки зрения репрезентации «Другого».

Задания для самостоятельного выполнения

1. Почему можно считать работу Плиния Старшего «Естественная история» прообразом энциклопедических работ?

Список рекомендуемых ресурсов по теме лекции

1. Said, Edward W. Orientalism. London: Penguin, 2003. 396 p.
2. Плиний Старший. Естественная история / Книга VI. Главы 53–106. / Пер. А. А. Вигасина // Индия и античный мир. М.: Восточная литература, 2002. С. 307–316.